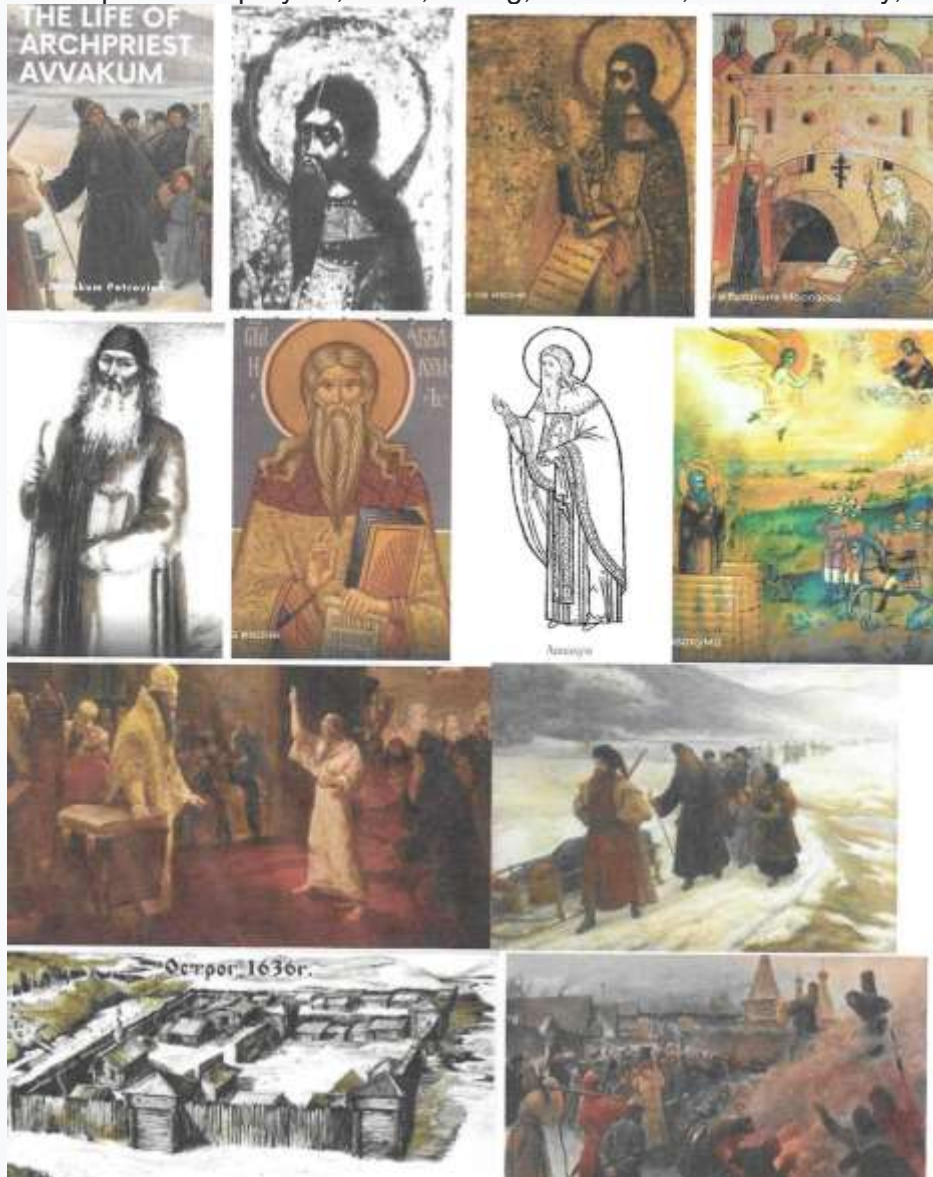

3 7 ВОЗДЕРЖАНИЕ ЕМУ ЖЕ НЕСТЬ ЗАПОВЕДИ ABSTINENCE With it there is no other commandments needed

В этот период соблюдается **воздержание** души и тела от излишеств, а свободное время посвящается делам милосердия, молитве и чтению духовных книг. За совершенные грехи необходимо принести труды покаяния: молитвы, поклоны, пост, **воздержание**, дела милосердия, добродетели.

During this period, **abstinence** of soul and body from excesses is observed, and free time is devoted to works of mercy, prayer and reading spiritual books. For sins committed, it is necessary to bring works of repentance: prayers, bows, fasting, abstinence, works of mercy, virtues.

<https://wigowsky.com/fob/AvvakumLife.pdf>

Click on link to see the entire Старообрядець news-publication –
or copy/paste the link (website) into your browser

Пути-дороги Аввакума. Легенда

Глухая зимняя ночь. Все в многоквартирном доме спят. Моя больная мама, которая не может ни ходить, ни говорить, спит или не спит, но думать мне не мешает. Я беру в руки книгу «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», раскрыла и читала написанное Аввакумом в самом начале книги: «Всесвятая Троице, Боже и созда-

телю всего мира! Поспеши и настави, сердце мое, начати с разумом, и кончати дела благими, я же хочу глаголати, аз недостойный: разумею же свое невежество, припадаю молю ти ся, и еже от тебя помощи прося: управи мой ум и утверди сердце мое приготовиться
(Продолжение на 14-й стр.)

Деревня Марьяна Гора недалеко от реки Пинеги. В ней останавливался Аввакум на пути в ссылку в Сибирь.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

- Диакон Александр Керженский — стр. 5
- О домашней молитве — стр. 7
- В поисках Дубчесских скитов — стр. 12

Этот номер газеты вышел благодаря материальной поддержке наших читателей: А.М. (Москва), П.Г. Лебедева, В.В. Токарева, о. Никанора Кречетова, старообрядческой общины г. Йошкар-Ола. Низкийший вам поклон!

Редакция благодарит за поддержку наших читателей: О.Е. Буторину, В.Е. Власову, П.К. Горюленко, М.Ф. Звереву, Л.А. Кокорину, А.И. Мурзину, В.И. Осипова, З.Ф. Панявину, Н.Е. Пахмутову, В.А. Ржевскую, А.И. Сикину, А.С. Трухина, П. И. Чернышева, Е.А. Юрину К., Галину С., Дмитрия Н. и Дмитрия Ч. Спаси вас Христос!

Редакция благодарит за поддержку Благотворительный Фонд поддержки и содействия старообрядчеству (Древлеправославие) «Правда Русская».

Дорогие читатели!

Газета по-прежнему издаётся только на пожертвования. Кто имеет возможность и желание оказать помощь в издании нашей газеты могут перечислить средства почтовым переводом на имя Рудикова Сергея Владимировича на адрес нашей редакции: 603158, Нижний Новгород, проспект Корейцевстрелков, д. 26, корп. 2, кв. 31. Или на карту Сбербанка № 4276420024970252. Газета «Старообрядец» нуждается в вашей молитвенной и материальной поддержке!

The 400-anniversary (jubilee) of **Аввакум** (Avvakum) is featured in this publication.

400-летию Аввакума посвящается

[illegible]

Морские животные приносят Аляске и промышленную ценность. Они служат в основном для питания человека. В последние годы в Аляске развита рыбалка и рыболовство в проточных водах. В последние годы в Аляске развита рыбалка и рыболовство в проточных водах. В последние годы в Аляске развита рыбалка и рыболовство в проточных водах.

Аскетика понималась им не в строгой теологико-каноническом смысле. Это было качественная характеристика или средство приближения к Божественному. Божия, возвышенная

внутренней деятельностью христианина как духовной личности. Старообрядский лидер К. Клементьев в своей книге о нем писал: «участвуя в сожжении Руси, он не переставал мысленно жить впритык Анкаре и в разлуке с ней (вспомогая) кельями, вольным (освобождая) оторваным Ливаном... Григорий Палама. В этой христианской — вселенской — мыслие в царя Алексея Михайловичу Романову Анкара отпала»¹. Именно мысленное участие и соприкосновение мысленно духовно, вселенское.

«Умом своим глаголющу истинно,
показеши ты Божьими подвигами твои...
И в полуумии не изнежиши чужду
ми истинность святого Евангелия...
Быть же ни речеши, не проречеши, не
же изнежиши, не пожеши иныя».
«Останет ли старость, и потом ис-
чезает, и не ведем, как походит; но
ни сказ, ни не быти, — дню сущий
якоже возвестит».

В действительности, по Аристотелю, понятия различны и различны. «Понятия различны, но различия не являются различиями и различиями существенно различны: различия

Актинизм символически демонстрирует и мир, и мифическим Алашуким, не являющимся, вероятно, ни тем, ни другим. Словесно, но с составками! Словесно, не было. В данном случае, расхождение между прономина Алашуким и действительным и воображаемым, неминуемо и неизбежно приводит к созданию в духе индигенной дискурсивной интерпретации, когда «умное» делание» представляло бы «умный» или «реальный» действительности, как можно было бы судить, что критика, рассуждение, интеллектуальное, символическое, культурное, процесс, метод и, наконец, человек, когда не интеллектуальное, материальное, в действительности, материальное, основанное, символическое, процесс, метод, интерпретация, критика.

Указание избраны внимания мистическо-искусственной практики в мировоззрении Апокалипсы было не случайным. По его мнению, только в постоянном духовном делании и усугублении превращении православного человека в богочеловека, на земле — спасения человека до Христа. Аскетический путь есть дорога не небо, где пребывает Бог — святое место.

«Сей убо сего вышестуи в рече-
нии, сего истиннои убо еси Христа,
и тем Богородицею зоваша, истинно
убо тебе, не сего и не радиша на явиле
и архидея, сего же не воста противни-
ца и не восташа истиннои преемствои
исверши, не такомо даде за смери
благословение истиннои ради, но и мо-
жешиши сего истиннои истинно
ради, ради же истинно, и архидея
даже истиннои истиннои».

В принципе, Аляска не отличалась от других регионов: высокий уровень жизни, развитая инфраструктура, высокие стандарты жизни, развитая экономика. Но в то же время Аляска была уникальна: это был последний оставшийся кусочек дикой природы, который не был затронут человеком. Это был последний кусочек дикой природы, который не был затронут человеком.

использования ресурсов — инновационные, управленческие, информационные — на достижение финансовых целей компании. Однако мир — это битвы между Битой и инновациями. И неуклонность этой битвы придает остроту и смысл своему существованию. В перспективе

Постанов: «Третий человечество» пригласил Аляксандра парю Аляксандра Михайловичу, 1664 год. Написано по зороте в ссылае. Из фондов Гус-
тоскопского музея-заповедника.

Давидом были рассказаны на две антиподитетских исторических реальности: Царствие Небесное, где царство было универсальное, христианскими святыми, и да, где пребывает человек и обреченные на вечное мучение грешники. Райское лето утопично

«Судно бо білоє, три джерела, загоріли кімнати жемчугом і сукномъ. Горіло море, але не кипіло: і прещестіе ниспадало зрештє! Але ось тереміне світило, яке зобов'язало відоміти божаню і веру Неусуєну».

В настоящее время исследованием мы занимаемся в соответствии с требованиями отечественного образования, касающегося особенностей воспитания протоиереев. Анализируя мы практику церковных образцов, обучаясь и традиций, понимая, что мы церковники, до конца, православные, люди, понимающие и это, признавая, что в среде ставшей для Авакума различных групп, мы также являемся представителями, в том числе, и миссии, и тоже вносим свои, истиннонаучные, расхождения, по поводу трагического распада Русской Церкви в XVII веке. Более того, без понимания самой сути истинности, истинности христианской, исследуя протоиерея Авакума, не понимая и в какой мере значимы для служения, и в какой мере

интерпретируя его в историческом контексте.

[illegible][illegible]

1000

1001

4

Read excerpts from the Life of Archpriest Avvakum, written by Avvakum himself.

<https://wigowsky.com/fob/AvvakumLife.pdf>

Житие Протопопа Аввакума

Life of the Archpriest Avvakum

https://imwerden.de/pdf/avvakum_zhitie.pdf (Russian)

<https://pages.uoregon.edu/sshoemak/325/texts/avvakum.htm> (English)

По благословению отца моего старца Епифания писано моею рукою грешною протопопа Аввакума, и аще что реченно просто, и вы, Господа ради, чтущии и слышавшии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных Бог слушает, но дел наших хочет. И Павел пишет: „аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имам, — ничто же есмь“ . . . того ради я и не бегу о красноречии и не унижаю своего языка русскаго, но простите же меня, грешнаго, а вас всех, рабов

With the blessing of my father, Elder Epiphanius, it was written by my sinful hand, Archpriest Avvakum, and even if something is said simply, and you, for the Lord's sake, who read and hear, do not despise our vernacular, since I love my Russian natural language, it is not the custom to color speech with philosophical verses, since God listens not to colorful words, but He wants our deeds. And Paul writes: "Even though I speak with the tongues of men and the tongues of angels, but am not a person of love, I am nothing." . . . For this reason, I do not bother about eloquence and do not disparage my Russian language, but forgive me, a sinner, and God will forgive and bless all of you, servants of Christ. Amen.

Христовых, Бог простит и благословит. Аминь.

Всесвятая троице, Боже и содетелью всего мира! поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати дела благими, яже ныне хочу глаголати аз недостойный; разумея же свое невежество, припадая, молю ти ся и еже от тебя помощи прося: управи ум мой и утверди сердце мое приготовитися на творение добрых дел, да, добрыми делами просвещен, на судище десная (правая) твоя страны причастник буду со всеми избранными твоими. И ныне, владыко, благослови, да, воздохнув от сердца, и языком возглаголю Дионисия Ареопагита о Божественных именах, что есть Богу присносущные имена истинные, еже есть близостные, и что виновные, сиречь похвальные. Сия суть сущие: сый, свет, истина, живот; только четыре свойственных, а виновных много; сия суть: Господь, вседержитель, непостижим, неприступен, трисиянен, триипостасен, царь славы, непостоянен, огонь, дух, Бог, и прочая по тому разумевай. (Сей Дионисий научен вере Христове от Павла апостола)

Рождение же мое в нижегородских пределах, за Кудмою рекою, в селе Григорове. Отец ми бысть священник Петр, мати — Мария, инока Марфа. Отец же мой

All-holy Trinity, God and creator of the whole world! hasten and direct my heart to begin with reason and finish with good deeds, even now I want to say I am unworthy; Understanding my ignorance, bowing down, I pray and ask for help from you: direct my mind and strengthen my heart, prepare to do good deeds, yes, enlightened by good deeds, at the judgment of the right hand on judgment day I will be a partaker with all your chosen ones. And now, o Master, bless, and, sighing from the heart, and with the tongue I will proclaim Dionysius the Areopagite about the Divine names, that there are true names that are eternal to God, and that there are close ones, and that those who are praiseworthy. This is the essence of being: existence, light, truth, life; only four are characteristic, but there are many of consequence; This is the essence: the Lord, the Almighty, incomprehensible, unapproachable, thrice-radiant, tri-substantial, king of glory, omnipresent, fire, spirit, God, and so on. (This Dionysius was taught the faith of Christ from Paul the Apostle)

I was born in the Nizniy Novgorod area, beyond the Kudma river, in the village of Grigorovo. My father was the priest Peter, my mother Marija, as a nun Marfa. My father was given to hard drink, but my mother fasted and prayed zealously and was ever

прилежаше пития хмельнова; мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху Божию. Аз же некогда видеу у соседа скотину умершу, и той нощи, восставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молиться. Потом мати моя овдовела, а я осиротел молод и от своих соплеменник во изгнании быхом. Изволила мати меня женить. Аз же пресвятей Богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходить во церковь, — имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, Богат гораздо; а егда умре, после ево вся истощилось. Она же в скудости живяше и моляшеся Богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли Божии тако. Посем мати моя отыде к Богу в подвиге велице. Аз же от изгнания переселихся во ино место. Рукоположен во диаконы двадесяти лет с годом, и по дву летех в попы поставлен; живой в попех осмь лет, и потом совершен в протопопы православными епископы, — тому двадесеть лет минуло; и всего тридесять лет, как имею священство.

А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много, —

teaching me the fear of God. Once I saw a dead cow at a neighbor's, and that night I arose and wept much over my soul before the icon, being mindful of death and how I too must die. And from that time I grew accustomed to praying every night. Then my mother was widowed and I, still young, orphaned, and we were driven out, away from our kin. My mother deigned to have me married. And I prayed to the most holy Mother of God that she might give me for a wife a helpmate to salvation. And in the same village there was girl, also an orphan, who was accustomed to going to church unceasingly; her name was Anastasia. Her father was a blacksmith by the name of Marko, very rich, but when he died everything dwindled away. And she lived in poverty and prayed to God that she might be joined with me in marital union; and so it was, by the will of God. Afterwards my mother went to God amidst great feats of piety. And being banished I moved to another place. I was ordained a deacon at the age of twenty-one, and after two years I was made a priest. I lived as a priest fo eight years and was then raised archpriest by Orthodox bishops. Since then twenty years have passed, and in all it is thirty years that I have been in holy orders.

And when I was a priest I had many spiritual children; up to now would be about five or six hundred. Never slumbering I, a sinner, was

по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз, грешный, прилежа во церквах, и в домах, и на распутиях, по градом и селам, еще же и в царствующем граде и во стране сибирской проповедуя и уча слову Божию, — годов будет тому с полтретьятцеть.

Таже меня взяли от всенощнаго Борис Нелединской со стрельцами; человек со мною с шестьдесят взяли: их в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворе на чепь посадили ночью. Егда ж рассветало в день недельный, посадили меня на телегу, и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря и тут на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. . . .

Бысть же я в третий день приалчен, — сиречь есть захотел, — и после вечерни ста предо мною, не вем+ангел, не вем+человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил и ложку в руки дал и хлеба немножко и штец похлебать, — зело прикусны, хороши! — и рекл

diligent in churches and in homes, at crossroads, in towns and villages, even in the capital and in the lands of Siberia, preaching and teaching the Word of God, this for about twenty-five years.

Boris Neledinskaya and the archers also took me from the all-night vigil; They took about sixty people with me: they were taken to prison, and they put me on a chain at night in the patriarch's courtyard. When it dawned on the weekday, they put me on a cart, and stretched out their arms, and drove me from the patriarch's courtyard to the Androniev Monastery, and then they threw me on a chain into a dark blanket, went into the ground, and sat for three days, neither eating nor drinking; sitting in the darkness, bowing my head, I don't know - to the east, I don't know - to the west. Nobody came to me, except mice, and cockroaches, and crickets screaming, and quite a few fleas.

On the third day I was hungry, that is, I wanted to eat, and after Vespers there stood in front of me, I didn't know, an angel, or a man, and to this day I don't know, except in the darkness he said a prayer and, taking me by the shoulder, He brought him to the bench and sat me down and gave me a spoon, and a little bread and soup to sip on - they tasted great, they were good! - and he said to me: "It's enough you're your strengthening!" And he was

мне: „полно, довлеет ти ко укреплению!“ Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только — человек; а что ж ангел? ино нечему дивитца — везде ему не загорожено.

Таже послали меня в Сибирь с женою и детьми. И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, разве малая часть помянуть. Протопопица младенца родила; больную в телеге и повезли до Тобольска; три тысящи верст недель с тринадцать волокли телегами и водою и саньми половину пути.

Посем указ пришел: велено меня из Тобольска на Лену вести за сие, что браню от писания и укоряю ересь Никонову. В та же времена пришла ко мне с Москвы грамотка. Два брата жили у царицы вверху, а оба умерли в мор с женами и с детьми; и многия друзья и сродники померли. Излиял Бог на царство фиал гнева своего!

Таже сел опять на корабль свой, еже и показан ми, что выше сего рекох, — поехал на Лену. А как приехал в Енисейской, другой указ пришел: велено в Дауры вести — двадцеть тысящ и больши будет от Москвы. И отдали меня Афонасью Пашкову в полк, — людей с ним было 600 человек; и грех ради моих суров

gone. The doors didn't open, but he was gone! Amazing – was he an angel or a man? Either way, there are no barriers for him.

They also sent me to Siberia with my wife and children. And when there is a need on the road, there is a lot to say, but only a small part to mention. The archpriestess gave birth to a baby; the patient was in a cart and taken to Tobolsk; Three thousand versts and thirteen weeks were dragged by carts, and by water and sleighs half the way.

Therefore, the decree came: it was ordered to lead me from Tobolsk to Lena River for this, that I scold the scriptures and reproach the heresy of Nikon. At that time, a letter came to me from Moscow. Two brothers lived in the queen's place, and both died of plague with their wives and children; and many friends and relatives died. God poured out his wrath upon the kingdom!

We boarded the ship again, and we were shown there was a higher river, so we went to the Lena. And when I arrived in Yeniseisk, another decree came: we were ordered to go to Dauria - twenty thousand kilometers from Moscow. And they gave me to Afonasy Pashkov's regiment - there were 600 people with him; for my sins he was a harsh man: he constantly burns people, and torments, and beats. And I tried to

человек: беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет. И я его много уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня. (Даурия – Дальний Восток)

На ум пришли речи, пророком и апостолом реченные: „Сыне, не пренемай наказанием Господним, ниже ослабей, от него обличаем. Его же любит Бог, того наказует; бьет же всякого сына, его же приемлет. Аще наказание терпите, тогда яко сыном обретается вам Бог. Аже ли без наказания приобщаетесь Ему, то выблядки, а не сынове есте“. И сими речьми тешил себя.

Было в Даурской земле нужды великие годов с шесть и с семь, а во иные годы отрадило. Во искусе то на Руси бывало, — человека три+четыре бешаных приведших бывало в дому моем, и, за молитв святых отец, отхождаху от них беси, действием и повелением Бога живаго и Господа нашего Иисуса Христа, сына Божия-света. Слезами и водою кроплю и маслом помажу, молебная певше во имя Христово, и сила Божия отгоняше от человек бесы, и здрави бываху, не по достоинству моему, — никак же, — но по вере приходящих.

reason with him, and I ended up falling into his hands. And from Moscow Nikon ordered him to torture me. (Dauria – Far East)

Words came to mind, spoken by the prophet and the apostle: “Son, do not be overwhelmed by the chastening of the Lord, and don’t faint when reproved. Whom God loves, he punishes; He beats every son, but accepts him. Endure the punishment, then God will treat you as a son. If you do not partake of him without punishment, then you are not a son.” And with these words I consoled myself

We lived in great need in the Daurian land for about six or seven years, but now and then we found relief.

But it happened during my trials in Russia that three or four lunatics were brought into my house, and, after the prayers of the holy fathers, the demons departed from them by the action and command of the living God and our Lord Jesus Christ, the son of God our Light. I sprinkled them with holy water, and anointed with oil, singing a prayer service in the name of Christ, and the power of God drove away demons from people, good health returned, not according to my dignity - no way - but according to the faith of those who come.

Later we turned from the Nerch river back to Russia. For five weeks

Таже с Нерчи реки паки назад возвратилися к Русе. Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающесе о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошадьми итти не посеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет, да и повалится, — кользко гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нее набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: „матушка - государыня, прости!“ А протопопица кричит: „что ты, батко, меня задавил?“ Я пришел, — на меня, бедная, пеняет, говоря: „долго ли муки сея, протопоп, будет?“ И я говорю: „Марковна, до самыя смерти!“ Она же, вздохня, отвечала: „добро, Петровичь, ино еще побредем“.

Курочка у нас черненька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, Божиим повелением нужде нашей помогая; Бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум приидет. Ни курочка, ни што чудо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублей при ней плюново дело, железо! А та

we rode on sleds across the ice. They gave me two nags for my little ones, while the archpriestess and I wandered on foot, hurting ourselves on the ice. The land is barbarous, the foreigners are hostile; We don't dare leave behind the horses, and we can't keep up with the horses, hungry and languid people.

The poor archpriestess wanders and falls - it's so slippery! At one time, she fell down, and another weary man came across her, and immediately fell down; both are screaming but can't get up. The man shouts: "Mother woman, forgive me!" And the archpriestess shouts: "Why did you crush me, father?" I came, and the poor thing blames me, saying: "How long will this torment last?" And I say: "Markovna, until our death!" She, sighing, answered: "Okay, Petrovich, let's be getting on."

We had a good little black hen. By God's will she laid two eggs a day for our little ones' food, easing our need. That's how God arranged it. During that time she was crushed while riding on a dogsled, because of our sins. And even now I pity that little hen when she comes to mind. Not a hen nor anything short of a miracle she was - the year round she gave us two eggs a day! Next to her a hundred rubles aren't worth spit, pieces of iron! That little bird was inspired, God's creation. She fed us, and there at our side she'd peck the

птичка одушевлена, Божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую из котла тут же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала; а нам против того по два яичка на день давала. Слава Богу, вся строившему благая! А не просто нам она и досталась. У боярони куры все переслепли и мереть стали; так она, собравше в короб, ко мне их принесла, чтоб+де батько пожаловал — помолился о курах. И я-су подумал: кормилица то есть наша, детки у нея, надобно ей курки. Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес сбродил, корыто им сделал, из чево есть, и водою покропил, да к ней все и отослал. Куры Божиим мановением исцелели и исправились по вере ея. От тово+то племяни и наша курочка была. Да полно тово говорить! Десеть лет он меня мучил или я ево — не знаю; Бог разберет в день века. Перемена ему пришла, и мне грамота: велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял; умышлял во уме своем: „хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы“. Егда в Даурах я был, на рыбной промысл к детям по льду зимою по озеру бежал на базлуках*; там снегу не живет, морозы велики живут, и льды толсты замерзают,	porridge right out of the spot, or if some fish came our way, then she'd peck at it. She gave us two eggs a day! Glory be to God, who hath arranged all things well!! And we came by her in no ordinary way. All the Boyarina's hens went blind and started to die, so she gathered them into a basket and sent them to me in hopes that "the good Father might favor us and pray for these hens." Well sir, I thought some on it: to us she'd been a real benefactress, she had little ones, and she needed those hens. I chanted prayers of supplication, blessed some water, and sprinkled and censed the hens. Then I tramped around in the forest and built them a trough to eat from. I sprinkled it with the water and sent the whole kit and caboodle back to her. And with a sign from God the hens were cured and made whole, because of her faith. It was from that flock that our little hen came. But enough talk about this. For ten years he tormented me or I him – I do not know; God will sort it out on judgment day. Change came to him, and I received a letter: I was ordered to go to Rus'. He went, but didn't take me; thinking in his mind: "Even though he goes alone, the foreigners will kill him." When I was in Daury, I ran across the ice on the lake in snowshoes with the children in winter. Snow does not live there, frosts are severe, and the ice is thick and

— близко человека толщины; пить мне захотелось и, гараздо от жажды томим, итти не могу; среди озера стало: воды добыть нельзя, озеро верст с восемь; стал, на небо взирая, говорить: „Господи, источивый из камени в пустыни людям воду, жаждущему Израилю, тогда и днесь Ты еси! напой меня, ими же веси судьбами, Владыко, Боже мой!“ Ох, горе! не знаю, как молить; простите, Господа ради! Кто есмь аз? умерый** пес! — Затрещал лед предо мною и расступился чрез все озеро сюду и сюду и паки снидеса: гора великая льду стала, и, дондеже уряжение*** бысть, аз стах на обычном месте и, на восток зря, поклонихся дважды или трижды, призывая имя Господне краткими глаголы из глубины сердца. Оставил мне Бог пролубку маленьку, и я, падше, насытился. И плачу и радуюся, благодаря Бога. Потом и пролубка содвинулася, и я, востав, поклоняся Господеви, паки побежал по льду куды мне надобе, к детям. Да и в прочие времена в волоките моей так часто у меня бывало.

Паки реку московское бытие. Видят оне, что я не соединяюся с ними, приказал государь уговаривать меня Родиону Стрешневу, чтоб я молчал. И я потешил ево: царь то есть от Бога учинен, а се добренек до меня, —

freezes – close to human thickness; I wanted to drink and, being so thirsty, I couldn't go; on the lake it became impossible to get water, the lake is about eight miles wide; I looked at the sky, to say: "Lord, Who brought forth water from the stones in the desert to thirsty Israel, here and to this day art thou! Give me drink, O Lord, my God!"

Oh, woe! I don't know how to pray; I'm sorry, for God's sake! Who am I? A dead dog! - The ice crackled in front of me and parted across the entire lake, here and here, and again came down: a mountain of ice rose, and, until the end of the day, I stood in my usual place and, to the east bowed twice or thrice, calling on the name of the Lord from the depths of the heart. God left me a small hole, and I, falling down, drank my fill. And I wept and rejoiced, thanking God. Then the ice hole closed, and I stood up, worshiped the Lord, and ran across the ice where I needed, to the children. And in other times, during my wanderings, this happened to me so often.

About my Moscow life. They see that I am not joining them, the sovereign ordered Rodion Streshnev to persuade me to remain silent. I eased his mind: the Tsar was created by God, and he was kind to me, - I hoped that he would improve little by little. And behold, on St. Simeon's day, I was promised a job

чаял, либо поменьше исправится. А се посулили мне Симеонова дни сесть на Печатном дворе книги править, и я рад сильно, — мне то надобно лутче и духовничества. Пожаловал, ко мне прислал десеть рублей денег . . . а про иных и нечева и сказывать: всяк тащит да несет всячиною! У света моей, у Федосьи Прокопьевны Морозовы, не выходя жил во дворе, понеже дочь мне духовная, и сестра ее, княгиня Евдокея Прокопьевна, дочь же моя. Светы мои, мученицы Христовы!

Полтара года держав, паки одново к Москве взяли, да два сына со мною, — Иван да Прокопей, — съехали же, а протопопица и прочии на Мезени остались все. И привезше к Москве, отвезли под начал в Пафнутьев монастырь. И туды присылка была, — тож да тож говорят: „долго ли тебе мучить нас? соединишь с нами, Аввакумушко!“ Я отрицаюся, что от бесов, а оне лезут в глаза!

Козма та не знаю коего духа человек: въяве уговаривает, а втай подкрепляет меня, сиче говоря: „протопоп! не отступай ты старова тово благочестия; велик ты будешь у Христа человек, как до конца претерпишь; не гляди на нас, что погибаем мы!“ И я ему говорил сопотив, чтоб он паки

at the Printing house to edit books, and I am very glad—better than being a confessor. He welcomed me and sent me ten rubles of money. . . and about others there is no point even saying: everyone contributed all sorts of things! I lived all this time in the household of my spiritual daughters – my dear Feodosia Prokopenva Morozova, and her sister Princess Evdokiya Prokopenva. My lights, martyrs of Christ!

After keeping us there a year and a half, they took me to Moscow again. My two sons Ivan and Prokopy also journeyed with me, but the archpriestess (my wife) and the rest all stayed at Mezen. After bringing me to Moscow they took me under guard to the Pafnutyev monastery. And a message came there; over and over they say: “Must you go on and on tormenting us? Join with us, Avvakum!” I spurned them like demons, but they wouldn’t stop getting into my eyes!

Kozma is the kind of person I don’t know: openly he persuades me, but secretly reinforces me, saying: “Archpriest!” Don’t abandon the ancient piety! You will be a great man with Christ, as you endure to the end; don’t look at us, that we are perishing!’ And I told him he should come to Christ again. He says: “It’s

приступил ко Христу. И он говорит: „нельзя; Никон опутал меня!“ Просто молить, отрекся пред Никоном Христа, также уже, бедной, не сможет встать. Я, заплакав, благословил его, горюна; больша тово нечева мне делать с ним; ведает то Бог, что будет ему.

Таже, держав десеть недель в Пафнутьеве на че́пи, . . . повезли нас ночью на Угрешу к Николе в монастырь. И бороду враги Божии отрезали у меня. Чему быть? волки то есть, не жалеют овец! оборвали, что собаки, один хохол оставили, что у поляка, на лбу. Везли не дорогою в монастырь — болотами да грязью, чтоб люди не сведали. Сами видят, что дуруют, а отстать от дурна не хотят: омрачил дьявол, — что на них и пенять! Видь, слышателю: необходимая наша беда, невозможно миновать! Сего ради соблазны попускает Бог, да же избрани будут, да же разжегутся, да же убелятся, да же искуснии явленни будут в вас. Выпросил у Бога светлую Россию сатона, да же очервлени ю кровию мученическою. Добро ты, дьявол, вздумал, и нам то любо — Христа ради, нашего Света, пострадать!

Держали меня у Николы в студеной полатке семнадцать недель.

impossible; Nikon entangled me!“ Just like that, he denied Christ before Nikon, also poor thing, he won’t be able to get up. I cried and blessed him, the miserable soul; I couldn’t do anything more for him; God knows what will become of him.

After keeping me in Pafnutyev for ten weeks in chains, ... they carried us away at night to Ugreshu, to the monastery of St. Nikola. And those enemies of God cut off my beard. What do you expect? They’re wolves for a fact, they don’t pity the sheep. Like dogs they tore at it, leaving me one tuft on my forehead like a Pole (man). They didn’t take us to the monastery by the road, but through marsh and mire so no one would get wind of it. They saw themselves they were acting like fools, but they wouldn’t abandon their folly; blinded by the devil they were, so why blame them. Look, listener: Our misery is unavoidable! To this end God allows these offenses, so there will be the Chosen, who will be burned and purified, and tribulations will reveal them. Satan asked God for our radiant Russia, so that he would turn her crimson with Martyr’s blood. Good thinking, you devil, and it’s good for us to suffer for the sake of Christ our Light!

They kept us at St. Nikola’s for seventeen weeks in a freezing cell. And all those boyars were good to us, only the devil was wicked. But

И все бояре те до нас добры, один дьявол лих. Что-петь сделаешь, коли Христос попустил! Князь Ивана миленькова Хованскова и батожьем били, как Исаию сожгли. А боярню ту Федосью Морозову и совсем разорили, и сына у нея уморили, и ея мучат; и сестру ея Евдокею, бивше батогами, и от детей отлучили и с мужем розвели, а ево, князь Петра Урусова, на другой де женили. Да что-петь делать? Пускай их, миленьких, мучат: небеснаго Жениха достигнут. Всяко то Бог их перепроводит век сей суетный, и присвоит к себе Жених небесный в чертог Свой, праведное солнце, Свет, Упование наше! Паки на первое возвратимся.

Посем свезли меня паки в монастырь Пафнутьев и там, заперши в темную полатку, скована держали год без мала. Тут келарь Никодим сперва добр до меня был . . . У сего келаря Никодима попросился я на велик день для праздника отдохнуть, чтоб велел, дверей отворя, на пороге посидеть; и он, наругав меня, и отказал жестоко, как ему захотелось; и потом, в келию пришед, разболелся: маслом соборовали и причащали, и тогда сегдадохнет. То было в понедельник светлой. И в нощи против вторника прииде к нему муж во образе моем, с кадилом, в ризах светлых, и покадил его и, за

what can you do if Christ allowed it to be so? They flogged our dear Prince Ivan Hovanski with canes when Isaiah was burned. They ruined Boyarina Feodosya Morozova altogether, killed her son, and tortured her; and they flogged her sister Evdokeya with canes, separated her from her children, and divorced her from her husband. And him, Prince Peter Urusov they married off to another woman. But what's to be done? Leave them be, for in suffering they will gain the Heavenly Bridegroom, and God will surely lead them through this vain age, and the Sun of Justice, our Light and Hope, will gather them to himself in his mansions. But let's get back to my story.

Afterwards, they took me to the Pafnutev monastery and there, locked in a dark cell, they kept me chained for almost a year. Here the cellarer Nikodim was kind to me at first. . . I asked this cellarer Nikodim to rest on the Great Day holiday (Easter), so that he would open the doors and sit on the threshold; and he scolded me and refused cruelly, as he wanted; and then, when he came to the cell, he fell ill: they unctioned him with oil and gave him communion, and then he stopped breathing. That was on Easter Monday. That night, towards Tuesday, a man came to him in my image, with a censer, in bright vestments, and incensed him and, taking him by the hand, raised him

руку взяв, воздвигнул, и бысть здрав. И притече ко мне с келейником ночью в темницу, . . И пал предо мною, ухватился за чепь, говорит: „прости, Господа ради, прости, согрешил пред Богом и пред тобою; оскорбил тебя, — и за сие наказал мя Бог“. И я говорю: „как наказал? повеждь ми“. И он паки: „а ты-де сам, приходя и покадя, меня пожаловал и поднял, — что-де запираешься!“ А келейник, тут же стоя, говорит: „я, батюшко государь, тебя под руку вывел из кельи, да и поклонился тебе, ты и пошел сюды“. И я ему приказал, чтоб людям не сказывал о тайне сей.

Еще вам побеседую о своей волоките. Как привезли меня из монастыря Пафнутьева к Москве, и поставили на подворье, и, волоча многажды в Чудов, поставили перед вселенских патриархов, и наши все тут же, что лисы, сидели, — эт писания с патриархами говорил много; Бог отверз грешные мое уста, и посрамил их Христос! Последнее слово ко мне рекли: „что-де ты упрям? Вся-де наша Палестина . . . все-де трема персты крестятся, один-де ты стоишь во своем упорстве и крестишься пятью персты! — так-де не подобает!“ И я им о Христе отвечал сице: „вселенстии училилие! Рим давно упал и лежит невсклонно, и ляхи с

up, and he was healed. And the cell attendant came to me at night into the dungeon. . And he fell before me, grabbed the chain, and said: “Forgive me, for the Lord’s sake, forgive me, I have sinned before God and before you; I insulted you, and for this God punished me.” And I say: “How were you punished? tell me.” And he again: “And you yourself, coming and waiting, greeted me and lifted me up, why hide it!” And the cell attendant, standing right there, said: “I, Father Sovereign, took you out of the cell by the arm, and bowed to you, and you came here.” And I ordered him not to tell people about this Mystery.

I’ll also talk to you about my wanderings. How they brought me from the Pafnutiev monastery to Moscow, and put me in the courtyard, and, dragging me many times to Chudov, they put me in front of the ecumenical patriarchs, and ours all sat there like foxes – I spoke scripture with the patriarchs; God opened my sinful lips, and Christ put them to shame! The last word they said to me was: “Why are you stubborn? All of Palestine is ours. . . All cross themselves with three fingers, but you alone stand in your stubbornness and cross yourself with two fingers! This is not proper!” And I answered them about Christ: “Teachers of Christendom!” Rome fell long ago and lies never to rise,

ним же погибли, до конца враги быша христианом. . .

И впредь приезжайте к нам учитца: у нас, Божиею благодатию, самодержство. До Никона отступника в нашей России у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь немятежна. Никон волк со дьяволом предали тремя персты креститца; а первые наши пастыри, яко же сами пятью персты крестились, такожде пятью персты и благословляли по преданию святых отцов наших: Мелетия антиохийского и Феодора Блаженного, епископа киринейского, Петра Дамаскина и Максима Грека.

Посем той же полуголова Иван Елагин был и у нас в Пустозерье, приехав с Мезени, и взял у нас сказку. Сиче реченно: год и месяц, и паки: „Мы святых отец церковное предание держим неизменно, а палестинского патриарха Паисея с товарищи еретическое соборище проклинаем“. И иное там говорено многонько, и Никону, заводчику ересем, досталось небольшое место. Потом привели нас к плахе и, прочет наказ, меня отвели, не казня, в темницу.

Чли в наказе: Аввакума посадить в землю в струбе и давать ему воды и хлеба. И я сопротив тово плюнул и умереть хотел, не едши,

and the Poles perished with her, enemies of Christians to the end. . .

And henceforth, come to us to learn: with us, by God's grace, is autocracy. Before Nikon the apostate the pious princes and kings had everything, Orthodoxy was pure and immaculate, and orderly. Nikon was betrayed by the devil with the three fingers of the baptism; and our first shepherds

blessed with two fingers, according to the tradition of our holy fathers: Meletia of Antioch and Theodore the Blessed, Bishop of Cyrene, Peter of Damascus and Maximus the Greek.

Therefore, the same Captain Ivan Elagin was with us in Pustozerye, having arrived from Mezen, and took a statement from us. It said: year and month, and again: "We preserve the ecclesiastical tradition of the Holy Fathers inviolate, and we curse the heretical council of Patriarch Paisy." And a lot of other things were said there, and Nikon, the originator of heresies, got a small place. Then they brought us to the scaffold and, after reading the edict, they took me, without execution, to prison.

The edict was: Imprison Avvakum in the earth in a log frame and give him water and bread. I spat in answer; I wanted to starve myself to death; I didn't eat for about eight days, but certain brethren interceded.

и не ел дней с восьмь и больши, да братья паки есть велели.

Посем у всякаго правовернаго прощения прошу: иное было, кажется, про житие то мне и не надобно говорить; да прочтох Деяния апостольская и Послания Павлова, — апостоли о себе возвещали же, егда что Бог соделает в них: не нам, Богу нашему слава. . . . Простите же и молитесь о мне, а я о вас должен, чтущих и послушающих. Больши тово жить не умею; а что сделаю я, то людям и сказываю; пускай Богу молятся о мне! В день века вси жо там познают соделанная мною — или благая или злая. Но аще и не учен словом, но не разумом; не учен диалектики и риторики и философии, а разум Христов в себе имам, яко ж и Апостол глаголет: „аще и невежда словом, но не разумом“.

Ну, старец, моево вяканья много ведь ты слышал. . . . Сказывай, небось, лише совесть крепку держи; не себе славы ища, говори, но Христу и Богородице. Пускай раб+от Христов веселится, чтучи! Как умрем, так он почтет, да помянет пред Богом нас. А мы за чтущих и послушающих станем Бога молить; наши оне люди будут там у Христа, а мы их во веки веком. Аминь.

Therefore, I ask the forgiveness of every true believer: If things had been different, there would be no need for me to talk about my life. I read the Acts of the Apostles and the Epistles of Paul - the apostles proclaimed about themselves whenever God would work in them: “Not to us, to our God be the glory.” . . . Forgive and pray for me, as I must to you who read and listen to me. I know more about living than this, and what I do, I tell people; let them pray to God for me! On the Judgment Day, everyone will know what I have done - either good or evil. But still, I am unlearned in words, but not in understanding; I am not a student of dialectics, rhetoric and philosophy, but the mind of Christ is in me; as the Apostle says: “Though I be rude in speech, but not in understanding.”

Well, old man, you’ve heard a lot of my blathering. . . . Tell me, never fear, keep your conscience clear; Speak not for your own glory, but for Christ and the Mother of God. Let the servant-of Christ rejoice in reading it! When we die, he will read and remember us before God. And we will pray to God for those who read and listen. They will be our people there at Christ’s side, and we theirs, forever and ever. Amen.

<https://en.wikipedia.org/wiki/Avvakum>
<https://sacred-texts.com/chr/dio/index.htm>

	Dionysius the Areopagite (divine names)

<https://www.youtube.com/watch?v=dGvmQmt5mbo> (Russian, audiobook)

Житие протопопа Аввакума (4:37:03)

<https://www.youtube.com/watch?v=4MT8IFIYAJc> (Russian, audiobook)

Пустозерская проза, часть 1: Протопоп Аввакум - Письма и послания.

https://www.youtube.com/watch?v=-28_XnF49uQ&t=5s часть2

